

УДК 93/94

doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-7

Причины и предпосылки российской инициативы по организации Гаагских конференций мира

Б. В. Николаев¹, Н. А. Павлова²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹Филиал Московского университета имени С. Ю. Витте в г. Пензе, Пенза, Россия

¹nikolboris@yandex.ru, ²nataliia.pavlova@inbox.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Россия сыграла решающую роль в инициировании Гаагского движения, ставшего важным шагом на пути к становлению новой системы международных отношений и современного международного права. Однако можно констатировать отсутствие значительного внимания не только зарубежной, но и отечественной науки к изучению феномена Гаагских конференций в становлении современной системы миропорядка. В этой связи исследование причин российской инициативы по созыву конференций мира представляется актуальным и научно значимым. Цель работы – определить причины и предпосылки российской инициативы по созыву двух Гаагских конференций мира 1899 и 1907 гг. *Материалы и методы.* Поставленные задачи достигаются анализом официальных материалов работы Гаагских конференций мира, официальных актов Министерства иностранных дел России, международных договоров, научной литературы. *Результаты.* В работе проанализированы предпосылки и причины российской инициативы по созыву двух Гаагских конференций мира. *Выводы.* Исследование позволяет сделать вывод об особой роли российской дипломатии и российского государства в целом в становлении современного международного права, в стремлении обеспечить справедливую и устойчивую систему международных отношений.

Ключевые слова: Гаагская конференция мира, международное право, право вооруженных конфликтов, российская дипломатия

Для цитирования: Николаев Б. В., Павлова Н. А. Причины и предпосылки российской инициативы по организации Гаагских конференций мира // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 3. С. 76–88. doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-7

Reasons and prerequisites for the Russian initiative in organizing the Hague Peace Conferences

B.V. Nikolaev¹, N.A. Pavlova²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹Penza branch of Moscow Witte University, Penza, Russia

¹nikolboris@yandex.ru, ²nataliia.pavlova@inbox.ru

Abstract. *Background.* Russia played a decisive role in initiating the Hague Movement, which became an important step towards the establishment of a new system of international relations and modern international law. However, it can be noted that there has been a lack of significant attention not only from foreign but also domestic science to the study of the phenomenon of the Hague Conferences and the establishment of the modern system of

world order. In this regard, the study of the reasons for the Russian initiative to convene peace conferences seems relevant and scientifically significant. The purpose of the study is to identify the reasons and prerequisites for the Russian initiative to convene two Hague Peace Conferences in 1899 and 1907. *Materials and methods.* The set objectives are achieved through the analysis of official materials of the Hague Peace Conferences, official acts of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, international treaties, and scientific literature. *Results.* The study analyzes the prerequisites and reasons for the Russian initiative to convene two Hague peace conferences. *Conclusions.* The study allows us to draw a conclusion about the special role of Russian diplomacy and the Russian state in the development of modern international law and ensuring a fair and sustainable system of international relations.

Keywords: the Hague Peace Conference, international law, law of armed conflicts, Russian diplomacy

For citation: Nikolaev B.V., Pavlova N.A. Reasons and prerequisites for the Russian initiative in organizing the Hague Peace Conferences. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2025;(3):76–88. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-7

Введение

Российская инициатива созыва двух Гаагских конференций мира, усилия российской дипломатии в очень непростых обстоятельствах крайнего обострения империалистической борьбы великих держав на рубеже XIX–XX вв. продвигать идеалы разоружения и ограничения вооружений, гуманизации войны, ограничения средств и методов ведения вооруженных конфликтов, мирного разрешения международных споров совершенно незаслуженно и обидно находятся в забвении и пренебрежении. Причем таковые исходят не только со стороны «цивилизованного Запада», но и со стороны нас, не совсем благодарных потомков тех, кто даже в условиях грозowych туч приближающихся мировых войн умел видеть (как луч солнца в темном царстве) возможность альтернативного мирного развития событий, основанную на внимательном диалоге, умении различных государств мира учитывать суверенные интересы и законные опасения друг друга, вырабатывать сложные, но столь необходимые компромиссные решения по важнейшим вопросам междугосударственной жизни.

Несомненное достижение нашей страны, явившееся провозвестником будущего объединения человечества в его противостоянии ужасам войны и вечного соперничества в форме Лиги Наций и Организации Объединенных Наций, было осознанно и цинично вымарано из отечественной истории большевистским правительством, для которого любые миротворческие действия царского правительства воспринимались исключительно как «двуличные» и «циничные». В 1990–2000-е гг., несмотря на реабилитацию имперского периода нашей истории и царской дипломатии, а также некоторый всплеск исследовательского интереса в контексте 100-летнего юбилея обеих конференций в 1999 и 2007 гг., отечественная политическая доктрина и научное сообщество находились в плену той концепции мировой истории, которая сложилась в западных странах и не предполагала значительной самостоятельной роли России в обеспечении и совершенствовании мирового порядка. Более того, в условиях нарастающей девальвации значения СССР в создании

и поддержании глобального мира и безопасности после Второй мировой войны главные бенефициары нового однополярного мира отнюдь не были заинтересованы в реабилитации императорской России в качестве ведущего, передового, системообразующего субъекта международных отношений.

Признание подлинного значения Гаагского движения взрывает классическую картинку, тиражируемую практически неизменно в течение последних более чем ста лет: западные демократии (США, Великобритания и в меньшей степени Франция) вели последовательную борьбу против реакционных империй, противившихся всему новому и прогрессивному, и только после решительного поражения и фактически распада трех имперских образований – России, Германии и Австро-Венгрии – смогли обеспечить наиболее справедливое мироустройство в виде Версальской мирной системы и Лиги Наций.

В таком контексте предлагается забыть о колониализме, империализме, военных преступлениях просвещенной Европы и Северной Америки, пренебрежении интересами большей части человечества на протяжении столетий. Ведущая роль России как в развитии Гаагского движения, так и в создании и развитии Организации Объединенных Наций подрывает данную западочентристскую модель мировой новейшей истории.

Итак, отмеченные обстоятельства обуславливают всестороннее историко-правовое значение изучения поднятой проблемы.

Материалы и методы. Историография проблемы

Поставленные задачи достигаются анализом официальных материалов работы Гаагских конференций мира, актов Министерства иностранных дел Российской империи, в частности Циркулярного сообщения министра иностранных дел пребывающим в Санкт-Петербурге представителям иностранных государств от 30 декабря 1898 г., международных договоров, научной литературы.

Первые публикации, посвященные Гаагским форумам, появляются непосредственно после завершения конференций, но, в силу скоротечности и некоторой эмоциональности, не представляют глубокий и системный анализ результатов Гаагского процесса. Особняком следует отметить характеристику конференции, данную непосредственными ее участниками, делегатами России Ф. Ф. Мартенсом [1] и И. А. Овчинниковым [2].

Следует отметить развернутый труд У. Халла [3], посвященный обеим Гаагским конференциям в контексте их значимости для развития международного права, и двухтомное издание Дж. Скотта [4].

В целом в советской научной литературе доминировало сверхкритическое отношение к Гаагским конференциям, в основном рассматривавшимся в контексте конъюнктурных интересов империалистических держав. В этот период, однако, следует отметить работу пензенского исследователя Александра Ивановича Данилина, который исследовал обсуждение вопросов третейского суда на Первом Гаагском форуме [5].

Ключевым диссертационным исследованием (хотя и весьма давним – 2001 г.) в изучаемой области является работа Н. Ю. Николаева, посвященная роли российской дипломатии в организации и проведении Первой Гаагской конференции мира [6]. Некоторые аспекты рассматриваемой проблематики

затрагиваются также в диссертационных работах В. А. Котенева, Л. А. Фишер, Г. Н. Четверухина, Т. В. Шаповалова.

Особое значение имеет работа системного исследования роли России в организации и проведении Первой Гаагской конференции мира И. С. Рыбаченок [7]. Следует отметить также монографические исследования В. В. Пустогарова и А. В. Игнатьева, а также ряд содержательных статей Е. Р. Воронина, О. В. Гликман, А. В. Игнатьева, В. В. Пустогарова, Ю. М. Саямова, А. А. Синдеева, И. З. Фархутдинова, С. И. Чернявского.

Результаты

Россия на протяжении столетий остается важным элементом европейской, евразийской и глобальной системы международных отношений. Рубеж XIX–XX вв. ознаменовал возрастание напряженности во взаимодействиях великих держав, обострение борьбы между ними за раздел и в большей степени передел сфер влияния, колониальных владений, экономических ресурсов. Наряду с «классическими» великими державами XIX столетия – Российской империей, Британской империей, Францией и Австро-Венгрией – все большее значение в глобальной политике начинают играть «новые державы» – все более отклоняющиеся от классической «доктрины Монро» Соединенные Штаты Америки, существенно преобразованная после «революции Мэйдзи» императорская (а по сути капиталистическая) Япония, наращивающие мощь после импульса национально-освободительных движений и последующего объединения Италия и Германия.

Последняя не только добилась вооруженным путем признания своего права на суверенитет и даже статус великой державы, но и готова была бросить вызов другим державам в борьбе за глобальное переустройство миропорядка. Следует признать, что англосаксонские державы – Великобритания и США – существенно поспособствовали демонизации образа Германской империи (как, впрочем, и Российской империи даже в эпоху недолгого союзничества этих держав), что способствовало в том числе глобальной поляризации политических сил и создало благоприятную почву для развязывания Первой мировой войны, а впоследствии и для германского реваншизма и скатывания в пропасть Второй мировой войны.

Предпосылки и причины созыва Гаагских конференций мира 1899 и 1907 гг., процесса, позже получившего наименование «Гаагское движение», многообразны и подчас противоречивы. Прежде всего к ним следует отнести нарастающий процесс глобализации, выражающийся в росте взаимосвязи и взаимозависимости различных стран и регионов мира не только в экономической плоскости, но и во всем многообразии социальных, политических, духовно-культурных связей. Человечество во все большей степени осознает единство своего развития, целостность, общую ответственность за будущее, вызовы, тревоги и надежды настоящего миропорядка.

Несмотря на это нарастающее объективное единство и его осознание, а возможно, в качестве прямого следствия данного процесса, обостряются межгосударственные противоречия, нарастает национализм, каждое государство стремится реализовать свои эгоистические интересы за счет ущемления законных прав и интересов других держав. Именно в данный период формируются военно-политические блоки, впоследствии ставшие осью будущего

общеевропейского вооруженного противостояния времен Первой мировой войны (Тройственный союз и Антанта). Все более настойчиво проявляется несостоятельность взятого изолировано «европейского концерта» великих держав как географически, так и с точки зрения репрезентативности средних и малых государств и соответствующих народов.

На позицию России существенное влияние оказывало геополитическое положение страны с ее протяженной сухопутной границей и большим количеством морей, не связанных непосредственно друг с другом, что в обоих случаях ставило вопрос затруднительности коммуникаций, особенно при необходимости ведения полномасштабной войны. Прежде всего следует отметить нарастающее напряжение во взаимоотношениях с непосредственными соседями на западе – Германией и Австро-Венгрией. Наряду с этим постоянной воспринималась угроза как с моря, так и со стороны сухопутных границ, в частности в Средней Азии, исходящая от Великобритании.

Ситуацию усугубляло определенное все более тревожное отставание России в экономическом развитии не только от традиционных лидеров в этой области – Великобритании и Франции, но и от динамично развивающихся новых индустриальных мировых лидеров – Соединенных Штатов Америки и Германии. Тревожила и новая японская угроза на Дальнем Востоке [8, с. 33–34].

Другим важным фактором стало развитие различных общественных движений, выступающих в поддержку развития мирных альтернатив для разрешения общеевропейских противоречий и обеспечения поступательного и мирного развития общемировых процессов. Так, начало пацифистского движения принято относить к деятельности первых групп и организаций, возникших под влиянием и как реакция на наполеоновские войны в Великобритании и Соединенных Штатах. Непримируемости и агрессивности этой эпохи такие группы и организации противопоставляли идеалы разоружения, запрета вооруженных конфликтов как средства разрешения споров между цивилизованными народами, развитие международного арбитража (третейского суда), посредничества, добрых услуг, консультаций и иных способов ненасильственного разрешения межгосударственных столкновений.

Несомненно, значимую роль в развитии пацифизма и мирных инициатив сыграло создание в 1889 г. Межпарламентского союза, ставшего организационным центром различных мирных мероприятий и инициатив. В Российской империи идеи ненасилия и отрицания войны также получили значительное распространение. Рупором нового движения, несомненно, стал весьма влиятельный журнал «Вестник Европы» [9, с. 35]. Сам термин «пацифизм», восходящий к латинским терминам «рах» («мир») и «facio» («делаю»), сравнительно молодой, поскольку получил широкое распространение лишь в начале прошлого столетия. В России различные концепции миротворчества, пацифизма, ненасилия наиболее последовательно высказывали Л. Н. Толстой, Н. Я. Бердяев, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин [10, с. 143–150].

Так, Лев Николаевич Толстой, сформулировавший доктрину непротивления злу насилием, скептически отнесся к внесению вопроса о разоружении в повестку дня мирной конференции, сочтя это «бессмысленным и неуместным», поскольку правительства ни при каких обстоятельствах не позволят отказ своих подданных или граждан от исполнения воинской повинности, поскольку такой отказ «подрывает в ее основании власть правительства и даже

смысл его существования» [11, с. 19]. По мнению Льва Николаевича, инициатива российского императора лишь проявление лицемерия, стремившегося под красивым лозунгом решить конъюнктурные внутривластные, равно как и внешнеполитические, проблемы [11, с. 21].

Интересен концептуальный ответ другого выдающегося российского мыслителя И. А. Ильина, который призывал, напротив, «противиться злу из любви», поскольку следует различать насилие как самоцель, упоевание насилем и насилие инструментальное, становящееся зачастую единственным препятствием на пути зла. Поэтому война должна быть непременно ограничена, во-первых, исходя только от подлинно легитимной, опирающейся на всенародное доверие власти, действующей в народных интересах; во-вторых, признанием ее только крайним, исключительным средством при исчерпании всех иных форм и способов разрешения споров; в-третьих, принципом пропорциональности насилия, ее соразмерности соответствующей угрозе [12, с. 108].

Следует отметить и противоположные тенденции и процессы, развившиеся в росте националистических, шовинистических движений и акций в различных странах Европы. Действительно, рубеж XIX–XX столетий и первой трети нового столетия был отмечен небывалым ростом радикальных идеологических и практически-политических течений от крайне левых (коммунизм, анархизм) до крайне правых (различные формы националистической идеологии вплоть до формирования фашизма и национал-социализма).

В Российской империи в 1904–1905 гг. прошла серия погромов, направленная против еврейского населения. Не менее масштабной и неприемлемой является массовая истерия в средствах массовой информации, направленная на изгнание татарского населения в Турцию, получившая твердую отповедь в стихотворении «Не уйдем!» татарского народного поэта Габдуллы Тукая [9, с. 35].

Значительным фактором, способствовавшим российской мирной инициативе, был и рост активности рабочих и крестьянских движений, создание нелегальных партий, в том числе социал-демократов и социалистов-революционеров с резко антиправительственной и антимонархической направленностью.

Представляет интерес и отношение к предстоящей конференции со стороны зарубежных интеллектуалов. С резким неприятием мирной российской инициативы выступила германская интеллектуальная элита. Так, накануне Гаагского форума в Берлине издали сборник работ виднейших, на взгляд составителей, представителей европейских научных кругов, причем с наибольшей долей скепсиса в отношении перспектив открывающегося собрания высказывались именно немецкие общественные деятели. Выдающийся немецкий историк назвал предстоящую Гаагскую конференцию «опечаткой в истории, о которой нечего и говорить», а К. Фишер нелюбезно провозгласил: «Из трех добродетелей: веры, надежды и милосердия, первые две покидают меня, когда я думаю о конференции». Сходные прогнозы и оценки давали и другие представители германской науки: профессора К. Ф. Барр, Х. Рэм, П. Лабанд, Ф. Штерк, Ф. Цорн [13, с. 43–44].

Все эти факторы делали Россию практически идеальным кандидатом для новой мирной инициативы. Не следует, однако, недооценивать роль конкретных

исторических деятелей, прежде всего российского императора Николая II, в организации двух Гаагских собраний. Так, А. В. Игнатьев прямо заявляет об отсутствии системной внешней политики России на данном этапе, особом значении «установок, складывавшихся у царя под влиянием воспитания, собственного опыта и советов его сановников» [8, с. 38–39].

В еще даже большей степени обозначившиеся на рубеже веков факторы проявились накануне созыва Второй Гаагской конференции мира. Действительно, несчастливая и трагическая для нашей страны Русско-японская война, Русская революция 1905–1907 гг., нарастание все новых противоречий в клубе великих держав, необходимость глубокого перевооружения армии и флота, масштабной реорганизации экономики, социальное примирение, восстановление престижа на международной арене – все это, казалось, с неизбежностью вело к повторной мирной инициативе российского императора.

Действительно, стратегия министра иностранных дел А. П. Извольского состояла в проведении политики балансов и договоренностей, которая обеспечила бы России мирную передышку, необходимую для традиционно русского процесса: «Россия сосредоточивается». Наряду с заключением в 1907 г. ряда значимых двусторонних соглашений с крупнейшими державами России предстояло решить даже более сложную задачу – отсрочить на какой-то значимый срок (по оценке самого Извольского 10–15 лет, вспомним также требование П. А. Столыпина по поводу мирного двадцатилетия для процветания России) прямое столкновение между Великобританией и Германией либо по крайней мере постараться остаться вне участников предстоящего вооруженного конфликта [8, с. 41–42].

Триггером, сделавшим российское предложение почти неизбежным, стала странная, скорее даже откровенно недружественная и издевательская инициатива североамериканского президента Теодора Рузвельта созвать Вторую конференцию мира уже под эгидой США. Россия в такой ситуации не могла принять подобное развитие событий. Во-первых, она признала бы таким образом, что утрачивает не только военно-политический, но и своего рода моральный авторитет в международном сообществе. Во-вторых, беззастенчивая попытка американцев воспользоваться трудным внутренним и внешним положением Российской империи и «умыкнуть» столь привлекательный в их глазах бренд всемирного миротворчества должна была получить быстрый и эффективный дипломатический отпор. И надо признать, что российской дипломатии это удалось. События происходили стремительно: менее чем через год после американского предложения министр иностранных дел России Ламздорф 26 августа 1905 г. обратился в адрес сорока семи стран мира с предложением созвать вторую конференцию мира в Гааге. При этом особо упоминалась как изначальная инициатива российского императора по созыву Первого Гаагского собрания, так и изящно интерпретированная российской дипломатией «поддержка данной идеи» со стороны администрации Теодора Рузвельта [14, с. 29–30].

Прежде чем перейти непосредственно к краткой характеристике двух Гаагских конференций, нельзя не упомянуть и о значительной научной, правовой, публицистической традиции, подготовившей почву для Гаагского движения.

Идея общего мира, ограничения вооружений и даже запрета войны как формы межгосударственного взаимодействия прослеживается в трудах испанцев Ф. де Витории и Б. Айалы, в знаменитом трактате Гуго Гроция «О праве войны и мира», в призыве «К вечному миру» Иммануила Канта, в учении о справедливых и несправедливых войнах швейцарца Э. де Ваттеля [15, с. 168–169].

12 августа 1898 г. циркулярная нота российского Министерства иностранных дел объявила о созыве собрания с целью обсуждения вопроса об «охранении всеобщего мира и возможном сокращении тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений». Однако российская инициатива с самого начала столкнулась с волной скепсиса и даже враждебности. Откровенно недоброжелательное отношение продемонстрировала Германия (подобную враждебную линию Германия проводила и непосредственно во время работы конференции [13, с. 43–46]), явная сдержанность и недоверие сквозили в высказываниях государственных деятелей Великобритании и США, а союзница России – Франция – и вовсе отнеслась весьма негативно к российской инициативе.

Несмотря на такой негативизм великих держав, ни одна из них не решилась прослыть врагом мира в глазах общественного мнения и малых стран, которые, напротив, с воодушевлением восприняли идею проведения широкого мирного форума [14, с. 25–26].

В конечном счете российское предложение приняли 20 европейских стран и шесть неевропейских, включая США, Мексику, Китай, Японию, Персию, Сиам. Болгария смогла принять участие в конференции, но, по настоячивому требованию Турции, без права решающего голоса.

Знаменательно, что открытие созданной по инициативе российского императора Николая II Первой Гаагской конференции мира состоялось именно 18 мая 1899 г., в 31-й день рождения российского императора. Причем выбор Гааги и Нидерландов в качестве места проведения столь значимого форума отнюдь не случаен. Здесь следует признать значение не только последовательно проводимой в рассматриваемый период Нидерландами нейтральной политики, наличия родственных связей между домами Романовых и Нассау, признания Гааги крупным центром развития юриспруденции и, в частности, международного права, но и личного деятельного участия 19-летней королевы Вильгельмины в организации конференции, что нашло прямое выражение в пожаловании российским императором ее величеству высшей женской награды Российской империи – Большого креста ордена Св. Екатерины [16, с. 35].

Второй Гаагский форум собрался 15 июня и завершился 18 октября 1907 г. Он стал наиболее масштабным [4, р. 112–124] для своего времени как с точки зрения количества участников (270 делегатов из 44 стран, тогда как на первой конференции присутствовали представители 26 государств), так и с точки зрения географического многообразия (Западная и Восточная Европа, Азия, Северная, Центральная и Южная Америка). Председательствующим был единодушно избран именно представитель нашей страны – Александр Иванович Нелидов. Председателями комиссий стали представители держав, занимавших по ключевым вопросам умеренную позицию: Первая комиссия (пересмотр арбитражных конвенций 1899 г.) – Леон Буржуа;

Вторая комиссия (законы и обычаи ведения сухопутной войны) – бельгиец Август Беернаерт; Третья и Четвертая комиссии (законы и обычаи ведения морской войны) – итальянец Торниелли и профессор Мартенс из России.

Как впоследствии с некоторым пафосом изложил в своем очерке о Второй Гаагской конференции мира один из секретарей российской делегации барон Б. Э. Нольде, «по алфавиту государств в большой зале рыцарей было рассажено все человечество» [17, с. 467]. Действительно, на современников такое широкое собрание не могло не произвести впечатление.

Каждая делегация состояла из полномочных представителей и технических делегатов, которые, в отличие от первых, не могли заключать и подписывать акты, а выступали лишь в качестве советников и экспертов. Кроме того, каждая делегация имела необходимый штат секретарей. Обратимся к составу делегации, направленной российским правительством. Первым полномочным представителем был «старейшина русской дипломатии», участник Сан-Стефанских мирных переговоров Александр Иванович Нелидов, бывший послом в Константинополе, Риме, Париже и игравший значительную роль в определении внешней политики России [18]. По свидетельству А. П. Извольского, Нелидову предлагалось в 1906 г. возглавить внешнеполитическое ведомство России, но он предпочел отказаться от этого предложения [19, с. 24].

Вторым российским делегатом был профессор Санкт-Петербургского университета, почетный доктор Кембриджского, Оксфордского и других университетов Федор Федорович Мартенс [20], с 1884 г. президент Европейского Института Международного Права, участник Брюссельской 1874 г., Гаагской 1899 г., Портсмутской 1905 г. и многих других международных конференций, заслуживший своей многообразной деятельностью почетное звание «Глава христианского правосудия».

Николай Валерьевич Чарыков, третий полномочный представитель и посланник в Гааге, выступал обычно в качестве оратора российской делегации в комиссиях и комитетах. В будущем известный в качестве основного участника знаменитого «демарша Чарыкова» (инцидента 1911 г., связанного с требованием открытия Черноморских проливов для военных кораблей России в условиях войны Италии и Турции) [21, с. 102–107], он уже к 1907 г. имел опыт участия в разрешении проблемных ситуаций в Центрально-Азиатском, Ближневосточном, Балканском регионах, наиболее пульсирующих точках международной дипломатии того времени, а также активно разрабатывал проблему постепенной трансформации института международных договоров от категории «вечных» к «относительным» в контексте ограничения и последующего запрещения вооруженного способа разрешения международных спорных ситуаций [22, с. 290–294].

В состав российской делегации также вошли военный атташе в Лондоне генерал-майор Н. С. Ермолов, военный атташе в Берлине полковник А. А. Михельсон, морской представитель в Лондоне капитан 1-го ранга Ф. И. Берг, посланник в Бразилии М. Э. Прозер, а также профессор международного права Морской академии И. А. Овчинников, позитивно оценивший итоги работы Гаагского форума [23].

Именно глава российской делегации А. И. Нелидов при открытии конференции изложил российское видение ее задач, отметив две первостепенные

задачи, стоящие перед делегатами: «обеспечить средства дружественного решения любых разногласий, могущих возникнуть между нациями, и предотвратить, тем самым, ссоры и вооруженные конфликты»; «попытаться, если война все же начнется, уменьшить ее тяготы как для самих воюющих, так и для нейтралов».

Заключение

Гаагские конференции мира 1899 и 1907 гг., инициатором проведения которых выступил российский император Николай II, явились, пожалуй, первой масштабной попыткой радикального реформирования всей системы международных отношений, утверждения идеи широкого правового регулирования межгосударственных отношений [24, с. 20–29]. К сожалению, эта попытка окончилась неудачей. Намеченной на 1915 г. Третьей конференции не суждено было собраться. За полыхающим огнем Первой мировой войны трудно было увидеть всеобщее благоденствие и процветание человечества, которые провозглашались главной целью Гаагского движения.

И все же значение этих форумов выходит далеко за рамки соответствующего исторического периода. В Гаагском движении просматривается прообраз будущих универсальных международных организаций – Лиги Наций и Организации Объединенных Наций, а проблематика, заявленная организаторами конференций, актуальна и по сей день. Прежде всего, следует отметить значительное формально-юридическое наследие Гаагского движения, инициированного Россией. Гаагские конвенции и декларации составляют общепризнанное международное гуманитарное право [25], являясь достоянием всего человечества. Под прямым влиянием данных форумов было создано первое в истории человечества международное судебное учреждение – Постоянная палата третейского суда в Гааге. Сам город Гаага стал одним из важнейших центров международной дипломатии и права, по предложению Ф. Ф. Мартенса в этом городе был построен Дворец правосудия как воплощение лучших надежд человечества на процветание и мир. В ходе работы конференций были выработаны, пусть и не сформулированы точно и не закреплены юридически, будущие основные принципы международного права, провозглашенные спустя десятилетия в ст. 2 Устава Организации Объединенных Наций: суверенного равенства государств, сотрудничества государств, мирного решения международных споров.

Список литературы

1. Мартенс Ф. Ф. Гаагская конференция мира. Культурно-исторический очерк // Вестник Европы. 1900. № 3. С. 9–10.
2. Овчинников И. А. Вторая Гаагская конференция мира. СПб. : Тип. Мор. м-ва, 1908. 34 с.
3. Hull W. I. The Two Hague Peace Conferences and their contributions to international law. Boston : Ginn and Co, 1908. 516 p.
4. Scott J. Br. The Hague Peace Conferences of 1899 and 1907 : in 2 vols. Oxford : Oxford University Press, 1921. Vol. 1–2. 548 p.
5. Данилин А. И. Проблема международного арбитража и позиции США и Германии на Первой Гаагской конференции мира // Европейские государства и США в международных отношениях первой половины XX века (история и историография) :

- межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. К. Фураев ; Ленингр. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. Л. : ЛГПИ, 1983. С. 136–143.
6. Николаев Н. Ю. Россия и Гагская мирная конференция 1899 года : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Волгоград, 2001. 247 с.
7. Рыбаченок И. С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 391 с.
8. Игнатьев А. В. Своеобразие российской внешней политики на рубеже XIX–XX веков // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 32–43.
9. Фархутдинов И. З. Гагские мирные конференции 1899 и 1907 гг.: кто развязал Первую мировую войну. Опыт доктринального исследования проблем формирования современной модели международных отношений в контексте развития международного права // Евразийский юридический журнал. 2020. № 4 (143). С. 29–36.
10. Громова Е. А. Миротворческий дискурс в отечественной социально-философской мысли // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. 2013. № 2 (20). С. 143–150.
11. Николаев Н. Ю. Л. Н. Толстой и Гагская мирная конференция 1899 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 2 (18). С. 17–23.
12. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Путь к очевидности. М. : Республика, 1993. 731 с.
13. Николаев Н. Ю. Германия и Гагская мирная конференция 1899 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2005. № 10. С. 43–46.
14. Чернявский С. И. Вторая Гагская конференция мира 1907 года: взгляд через 110 лет // Tractus Aevorum. 2017. № 4 (1). С. 23–30.
15. Ильинская О. И. Формирование принципа запрещения агрессивных войн до создания Организации Объединенных Наций // Lex Russica. 2017. № 8 (129). С. 167–176.
16. Саямов Ю. М. О гагских конференциях мира 1899 г. и 1907 г. // Россия и современный мир. 2017. № 3 (96). С. 33–46.
17. Нольде Б. Э. Вторая Конференция мира. Очерк // Вестник Европы. 1908. Т. II (4) С. 461–490.
18. Рич Д. Покойный старейшина русской дипломатии: А. И. Нелидов: (Из воспоминаний старого корреспондента). СПб. : Типо-лит. К. И. Лингард, 1910. 16 с.
19. Извольский А. П. Воспоминания / пер. с англ. А. Сперанского ; предисл. Л. Нежданова. Петроград ; М. : Петроград, 1924. 191 с.
20. Пустогаров В. В. Федор Федорович Мартенс – юрист, дипломат. М. : Международные отношения, 1999. 290 с.
21. Фишер Л. А. Демарш Чарыкова в 1911 г. и проблема Черноморских // Известия университета им. А. И. Герцена. Научный журнал. 2009. № 93. С. 102–107.
22. Чернов О. А. Мирные договоры и проблемы международной безопасности: концепция Н. В. Чарыкова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 290–294.
23. Овчинников И. Вторая Гагская Конференция Мира. СПб. : Тип. Мор. м-ва, 1908. 34 с.
24. Николаев Б. В., Павлова Н. А. Содержание и итоги работы Первой Гагской конференции мира 1899 г. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 20–29.
25. Николаев Б. В., Павлова Н. А. Значение Второй Гагской конференции мира в деле кодификации законов и обычаев ведения войны // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 30–39.

References

1. Martens F.F. The Hague Peace Conference: a cultural and historical essay. *Vestnik Evropy = Bulletin of Europe*. 1900;(3):9–10. (In Russ.)
2. Ovchinnikov I.A. *Vtoraya Gaagskaya konferentsiya mira = Second Hague Peace Conference*. Saint Petersburg: Tip. Mor. m-va, 1908:34. (In Russ.)
3. Hull W.I. *The Two Hague Peace Conferences and their contributions to international law*. Boston: Ginn and Co, 1908:516.
4. Scott J.Br. *The Hague Peace Conferences of 1899 and 1907: in 2 vols*. Oxford: Oxford University Press, 1921;1–2:548.
5. Danilin A.I. The problem of international arbitration and the positions of the United States and Germany at the First Hague Peace Conference. *Evropeyskie gosudarstva i SShA v mezhdunarodnykh otnosheniyakh pervoy poloviny XX veka (istoriya i istoriografiya): mezhvuz. sb. nauch. tr. = European states and the United States in international relations of the first half of the twentieth century (history and historiography): interuniversity collected papers*. Leningrad: LGPI, 1983:136–143. (In Russ.)
6. Nikolaev N.Yu. *Russia and the Hague Peace Conference of 1899: PhD dissertation*. Volgograd, 2001:247. (In Russ.)
7. Rybachenok I.S. *Rossiya i Pervaya konferentsiya mira 1899 goda v Gaage = Russia and the First Peace Conference of 1899 in The Hague*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004:391. (In Russ.)
8. Ignat'ev A.V. The uniqueness of Russian foreign policy at the turn of the 19th and 20th centuries. *Voprosy istorii = Issues of history*. 1998;(8):32–43. (In Russ.)
9. Farkhutdinov I.Z. The Hague Peace Conferences of 1899 and 1907: Who unleashed the First World War? A doctrinal study of the formation of a modern model of international relations in the context of the development of international law. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal = Eurasian Law Journal*. 2020;(4):29–36. (In Russ.)
10. Gromova E.A. Peacekeeping discourse in Russian social and philosophical thought. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya = Bulletin of Volgograd State University. Series 7: Philosophy*. 2013;(2):143–150. (In Russ.)
11. Nikolaev N.Yu. L.N. Tolstoy and the Hague Peace Conference of 1899. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International relations*. 2010;(2):17–23. (In Russ.)
12. Il'in I.A. On resisting evil with force. *Put' k ochevidnosti = The path to obviousness*. Moscow: Respublika, 1993:731. (In Russ.)
13. Nikolaev N.Yu. Germany and the Hague Peace Conference of 1899. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International relations*. 2005;(10):43–46. (In Russ.)
14. Chernyavskiy S.I. The Second Hague Peace Conference of 1907: a look back 110 years later. *Tractus Aevorum*. 2017;(4):23–30. (In Russ.)
15. Il'inskaya O.I. Formation of the principle of prohibition of aggressive wars before the creation of the United Nations. *Lex Russica*. 2017;(8):167–176. (In Russ.)
16. Sayamov Yu.M. On the Hague Peace Conferences of 1899 and 1907. *Rossiya i sovremennyy mir = Russian and modern world*. 2017;(3):33–46. (In Russ.)
17. Nol'de B.E. The Second Peace Conference. Essay. *Vestnik Evropy = Bulletin of Europe*. 1908;II(4):461–490. (In Russ.)
18. Rich D. *Pokoynyy stareyshina russkoy diplomatii: A.I. Nelidov: (Iz vospominaniy starogo korrespondenta) = The late elder of Russian diplomacy: A.I. Nelidov: (From the memoirs of an old correspondent)*. Saint Petersburg: Tipo-lit. K.I. Lingard, 1910:16. (In Russ.)
19. Izvol'skiy A.P. *Vospominaniya = Memories*. Translated from English by A. Speransky; preface by L. Nezhdanov. Petrograd; Moscow: Petrograd, 1924:191. (In Russ.)

20. Pustogarov V.V. *Fedor Fedorovich Martens – jurist, diplomat = Fyodor Fyodorovich Martens – lawyer, diplomat*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999:290. (In Russ.)
21. Fisher L.A. Charykov's demarche in 1911 and the Black Sea problem. *Izvestiya universiteta im. A.I. Gertsena. Nauchnyy zhurnal = Proceedings of Herzen University. Scientific journal*. 2009;(93):102–107. (In Russ.)
22. Chernov O.A. Peace treaties and problems of international security: the concept of N. V. Charykov. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Proceedings of Saratov University. New series. Series: History. International relations*. 2018;18(3):290–294. (In Russ.)
23. Ovchinnikov I. *Vtoraya Gaagskaya Konferentsiya Mira = Second Hague Peace Conference*. Saint Petersburg: Tip. Mor. m-va 1908:34. (In Russ.)
24. Nikolaev B.V., Pavlova N.A. Contents and results of the work of the First Hague Peace Conference of 1899. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2024;(4):20–29. (In Russ.)
25. Nikolaev B.V., Pavlova N.A. The importance of the Second Hague Peace Conference in the codification of the laws and customs of war. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2025;(1):30–39. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Борис Викторович Николаев

кандидат исторических наук, доцент
кафедры уголовного права, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40);
заведующий кафедрой юриспруденции,
филиал Московского университета
имени С. Ю. Витте в г. Пензе
(Россия, г. Пенза, ул. Вяземского, 25Б)

E-mail: nikolboris@yandex.ru

Boris V. Nikolaev

Candidate of historical sciences,
associate professor of the sub-department
of criminal law, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia);
head of the sub-department
of jurisprudence, Penza branch
of Moscow Witte University
(25B Vyazemskogo street, Penza, Russia)

Наталья Анатольевна Павлова

кандидат педагогических наук,
заведующий кафедрой иностранных
языков, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: nataliia.pavlova@inbox.ru

Natalia A. Pavlova

Candidate of pedagogical sciences,
head of the sub-department of foreign
languages, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 31.03.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 19.05.2025

Принята к публикации / Accepted 24.08.2025